

Россия: вчера, сегодня, завтра

**ПРОСВЕЩЕНИЕ –
ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ –
ПАТРИОТИЗМ**

С.А. Никольский
Институт философии РАН

Аннотация: *Составными частями процесса правильного развития и согласования интересов личности (индивида) и общества (государства) выступают «просвещение» (основанная на знании смелость пользоваться собственным умом) и «гражданственность» (поступок). В этом случае результатом их проявления становится «патриотизм».*

Ключевые слова: *личность, общество, государство, просвещение, гражданственность, патриотизм.*

Согласно определениям энциклопедий, патриотизм (от греч. πατριότης — соотечественник, πατρίς — отечество) — нравственный и политический принцип, а так же социальное чувство, содержанием которого является любовь к Отечеству и готовность человека подчинить ему свои частные интересы. Важность рассмотрения этого чувства (а именно эту ипостась патриотизма я предполагаю анализировать) диктуется прежде всего его социальной значимостью. Любовь к Отечеству предопределяет приоритет интересов целого (страны, общества, государства) над интересами индивида, личности, равно как и готовность идти на жертвы ради этого приоритета.

Вместе с тем, в наименовании «патриот» (ко многому обязывающему и лестном для каждого), заключены сложные вопросы. Во-первых, наше Отечество, как для других людей их собственное, в своей истории и в настоящем бытии являет не только совокупность достойных и благих дел, но также дел недостойных, заслуживающих осуждения, вредных. Прославляя, гордясь и указывая как на пример на первые, мы, если хотим оставаться справедливыми, не можем не осуждать вторые. Если же оправдывать и дела недостойные только потому, что они совершены нами (а своих осуждать нельзя), то это, очевидно, патриотизм племенной, хотя и часто встречающийся. Впрочем, в том, что считать достойным и благим, а что — постыдным и вредным, от нас, жителей страны, требуется согласие. Если таковое достигнуто, то мы можем величать друг друга патриотами, а при несогласии — либо осуждать свое Отечество, что обычно считается непатриотичным, либо закрывать на безобразия глаза и упрекать осуждающих безобразия в отсутствии патриотизма.

Еще более сложно, на мой взгляд, обстоит дело со второй половиной определения патриотизма — с готовностью подчинить свои частные интересы интересам Отечества, то есть государства и/или общества. Примеры, когда при наличии противостояния личного и обще-

ственного индивид принимает решение жертвовать личным ради общественного, мягко говоря, не часты. Напротив, мы повсеместно видим, что приоритет отдается личному. Но обычно тот, кто так поступает, склонен доказывать, что его личное совпадает с общественным и он патриот.

Думаю, что оба случая (жертвы личным ради общественного и подчинения общественного личному), при всем пиетете по отношению к субъекту таких действий, правильно все же считать отклонениями от нормы. А норма — это состояние, при котором личное и общественное совпадают, что является результатом правильного развития и согласования интересов как личности (индивида, человека), так и общества (страны, государства).

При каких условиях достигается состояние, когда интересы личности и общества совпадают и чувство патриотизма, равно как и патриотический поступок, для человека оказывается органичным и естественным? Моя гипотеза заключается в том, что составными частями процесса правильного развития и согласования интересов личности (индивида) и общества (государства) выступают «просвещение» и «гражданственность» и в этом случае результатом их проявления становится «патриотизм».

Исследователю очевидно, что патриотизм — историческое явление. Для рассмотрения этого примера обращусь к историческому событию, описанному Л.Н. Толстым, к патриотизму героев «Севастопольских рассказов» времен русско-турецкой войны. Произведение это, как известно, было задумано и исполнено как цикл очерков об увиденной писателем войне. В нем, при свойственной очерковому жанру документальности, предметом художественного освоения становится русское мировоззрение (в первую очередь — патриотизм), воссоздаваемое Толстым в эпоху серьезных испытаний духовных и нравственных сил народа. Впрочем, такое расхожее определение, как «испытание духовных и нравственных народных сил», мало что дает для понимания рассматриваемого явления. Из него не ясно, какова природа испытания и его источник? Почему так часто этого испытания желает некоторая, романтически и патриотически настроенная часть общества — дворянство и почему нет ни одного персонажа из крестьян, у которого бы такое желание родилось? И, наконец, почему желание испытаний, в том числе смерти за царя и отечество, не сохраняется даже у этой, патриотически-романтически настроенной части дворянской молодежи, как только она сталкиваются с реальной войной или, того хуже, оказывается на краю гибели?

На мой взгляд, в «Севастопольских рассказах» в контексте рассматриваемого феномена русского мировоззрения Толстой впервые ставит проблему перемены акцентов и даже смены ценностных приоритетов. Говоря так, я имею в виду следующее. Каждый социальный слой, продуцируя и осваивая свой тип культуры, живя в ней, осознает и рационализирует ее посредством определенных смыслов и ценностей, с неизбежностью выстроенных иерархически. Но вот этого социального слоя касается мощное социальное событие — война, которое устраивает своеобразную проверку как каждому из этих элементов, так и той иерархии, в которой они существуют. И зачастую содержание их меняется, а иерархия выстраивается по-новому. И то, что, например, было жизненно важно для отцов, становится малосущественным для детей.

Прежде всего, в «Севастопольских рассказах» Толстой ставит цель выработки собственного личного правдивого представления о войне как особом катастрофическом социальном феномене. Приглашая к этому читателя, он пишет: вы «увидите войну не в правильном, красивом и блестящем строе, с музыкой и барабанным боем, с развевающимися знаменами и гарцующими генералами, а увидите войну в настоящем ее выражении — в крови, в страданиях, в смерти...» [Толстой 1978: т. 2, с. 93]. И еще — в отношении собственного философско-художественного метода: «Где выражение зла, которого должно избегать? Где выражение добра, которому должно подражать в этой повести? Кто злодей, кто герой ее? Все хороши и все

дурны. «Герой же моей повести, которого я люблю всеми силами души, которого старался воспроизвести во всей красоте его и который всегда был, есть и будет прекрасен, — правда [Толстой 1978: т. 2, 144–145].

Уже в кавказском цикле Толстой начал пробовать себя и в размышлениях о русском духе, к чему неоднократно будет возвращаться позднее, в данном повествовании сравнивая его с воинским духом — храбростью «южных народов». По его мнению, дух южан основывается на «скоро воспламеняемом и остывающем энтузиазме». Дух русского солдата иного рода. Его трудно разжечь, как и погасить. «Для него не нужны эффекты, речи, воинственные крики, песни и барабаны: для него нужны, напротив, спокойствие, порядок и отсутствие всего натянутого. В русском, настоящем русском солдате никогда не заметите хвастовства, ухарства, желания отуманиться, разгорячиться во время опасности: напротив, скромность, простота и способность видеть в опасности совсем другое, чем опасность, составляют отличительные черты его характера» [Толстой 1978: т. 2, 82–83]. Толстой не ограничивается общими констатациями, а предпринимает своеобразный социологический анализ, даже попытку создания типологии русского солдата. Среди разнообразия типов им выделяются три основных: покорные (хладнокровные и хлопотливые), начальствующие (суровые и политичные), отчаянные (забавники и развратные). «Покорные хладнокровные» — тип, встречающийся чаще всего и наиболее милый, «соединенный с лучшими христианскими добродетелями: кротостью, набожностью, терпением и преданностью воле божьей, — есть тип покорного вообще. Отличительная черта покорного хладнокровного есть ничем не сокрушимое спокойствие и презрение ко всем превратностям судьбы, могущим постигнуть его. Отличительная черта покорного пьющего есть тихая поэтическая склонность и чувствительность; отличительная черта хлопотливого — ограниченность умственных способностей, соединенная с бесцельным трудолюбием и усердием. ... Тип отчаянного, точно так же как и тип начальствующего, хорош в первом подразделении — отчаянных забавников, отличительными чертами которых суть непоколебимая веселость, огромные способности ко всему, богатство природы и удаль, — и так же ужасно дурен во втором подразделении — отчаянных развратных, которые, однако, нужно сказать к чести русского войска, встречаются весьма редко, и если встречаются, то бывают удаляемы от товарищества самим обществом солдатским. Неверие и какое-то удальство в пороке — главные черты характера этого разряда» [Толстой 1978: т. 2, 54–55].

Впрочем, не только в Кавказской, но и в Крымской войне, уже в начальной ее фазе Толстой явственно различает «войну дворянскую» и «войну народную» со свойственными каждой из них ценностями, в том числе — и с разным толкованием патриотизма. В первых частях цикла — «Севастополь в декабре месяце» и «Севастополь в мае» тема «господ на войне» прорисовывается явственно и порой, на наш взгляд, граничит с авторским чувством презрения к изображаемым в ней некоторым персонажам из дворян, несмотря на декларируемое стремление к беспристрастной правдивости. Здесь он продолжает кавказскую линию о войне, о которой один из его героев говорит как о войне «в прекрасной стране и в прекрасной компании». Так, подробно повествуется об одном из офицерских застолий в городе, на котором вдоволь хорошего вина, на серебряном подносе человек приносит чай со сливками и крендельками и можно под фортепианный аккомпанемент спеть цыганскую песенку. В продолжение слов подполковника, что без удобств воевать невозможно, следует подтверждающая реплика одного из участников вечеринки: «...Я не понимаю и, признаюсь, не могу верить, — сказал князь Гальцин, — чтобы люди в грязном белье, во вшах и с неумытыми руками могли бы быть храбры. Этак, знаешь, этой прекрасной храбрости дворянина, — не может быть» [Толстой 1978: т. 2, 115]. Естественно, что говоря в таком контексте о храбрости, князь вполне мог бы употребить и слово патриотизм.

Несовместимо с господскими представлениями и известие о том, что траншею на бастионе пришлось уступить нападавшим туркам. Вот как реагируют на это вышедшие навстречу отступающим солдатам участники недавнего офицерского застолья.

« — Ну, как вам не стыдно, — отдали траншею. Это ужасно! — сказал Гальцин...

О! Это ужасный народ! Вы их не изволите знать, — подхватил поручик Непшитшетский, — я вам скажу, от этих людей ни гордости, ни патриотизма, ни чувства лучше не спрашивайте. Вы вот посмотрите, эти толпы идут, ведь тут десятой доли нет раненых, а то все *асистенты*, только бы уйти с дела. Подлый народ! Срам так поступать, ребята, срам! Отдать *нашу* траншею! — добавил он, обращаясь к солдатам.

Что ж, когда *сила*! — проворчал солдат.

И! Ваши благородия, — заговорил в это время солдат с носилок, поравнявшихся с ними, как же не отдать, когда перебил всех почитай? Кабы наша сила была, ни в жисть бы не отдали. А то что сделаешь? Я одного заколол, а тут меня как ударит... о-о-о! — застонал раненый. А в самом деле, кажется, много лишнего народа идет, — сказал Гальцин, останавливая опять того же высокого солдата с двумя ружьями. — Ты зачем идешь? Эй ты, остановись!

Солдат остановился и левой рукой снял шапку. Куда ты идешь и зачем? — закричал он на него строго. — Него...

Но в это время, совсем вплоть подойдя к солдату, он заметил, что правая рука его была за обшлагом и в крови выше локтя.

Ранен, ваше благородие!

Чем ранен?

Сюда-то, должно, пулей, — сказал солдат, указывая на руку, — а уж здесь не могу знать, чем голову-то прошибло, — и, нагнув ее, показал окровавленные и слипшиеся волосы на затылке.

А ружье другое чье?

Стуцер французский, ваше благородие, отнял; да я бы не пошел, кабы не евтого солдата проводить, а то упадет неравно, — прибавил он, указывая на солдата, который шел немного впереди, опираясь на ружье и с трудом таща и передвигая левую ногу.

А ты *где* идешь, мерзавец! — крикнул поручик Непшитшетский на другого солдата, который попался ему навстречу, желая своим рвением прислужиться важному князю. Солдат тоже был ранен» [Толстой 1978: т. 2, 120–122].

Итак, с одной стороны, пропитанная патриотизмом, но неприметная и не акцентированная — простая жизненная логика солдата, непосредственно участвовавшего в сражении, согласно которой естественно и не позорно отдать врагу свое укрепление, если обороняющиеся в большинстве перебиты и его, врага, сила взяла верх. А с другой, материализованные опереточно-романные фантазии о патриотизме, о военной чести и долге, заявляемые господами офицерами, однако, столь нагло, что они чуть ли не кажутся истинными. И лишь устроенная господами «проверка» на предмет действительных ранений солдат обнажает скромную силу «работающих войну» крестьян, равно как и постыдную самоуверенность забавляющихся войной господ. Впрочем, в отличие от Кавказа, «забавникам» при позиционной войне в Крыму, коль они оказываются на передовой, тоже становится не до смеха. На переднем крае дело войны состоит лишь во взаимных непрекращающихся ни днем, ни ночью артобстрелах и в редких пехотных вылазках. Война здесь напоминает исправно и безостановочно работающую машину, перемалывающую человеческие тела без различия достоинств, чинов и состояний.

Кульминационное место испытаний человеческого естества в первом очерке цикла — четвертый бастион. И опять Толстой показывает две разные точки зрения на патриотизм посредством разных точек зрения на этот «страшный бастион»: тех, кто на нем никогда не был;

и тех, кто живет там. Первые убеждены, что четвертый бастион есть верная могила для каждого, кто пойдет на него. Вторые, говоря про бастион, скажут, что там сухо или грязно, тепло или холодно в землянке. Продолжая погружать читателя в прозу военной жизни, автор выводит его на дорогу к бастиону, а там начинается сплошная грязь. Едва ли не каждая часть текста содержит в себе это слово. Вот солдат, размахивая руками и осклизаясь под гору, по жидкой грязи, со смехом пробегает мимо; траншея наполнена жидкой, желтой, вонючей грязью выше колена; изрытое грязное пространство, окруженное со всех сторон трупами; пушка, до половины потонувшая в грязи и т.п.

Эта грязь, смешанная с кровью, собственно, и есть прозаический образ войны, противостоять которой гораздо труднее, нежели вообразить противостояние в войне в ее придуманном героическом выражении. Война как работа — вот толстовское определение этого явления, ставшее основополагающим в отечественной прозе о войне уже в XX веке. Поэтому и образ солдата как незаметного рабочего войны (вспомним одного из героев «Войны и мира» — капитана Тушина) займет центральное место в толстовском сюжете. И исполнять эту работу кому как не крестьянину приличнее всего. «Взгляните в лица, осанки и в движения этих людей: в каждой морщине этого загорелого скуластого лица, в каждой мышце. В ширине этих плеч, в толщине этих ног, обутых в громадные сапоги, в каждом движении, спокойном, твердом, неторопливом, видны эти главные черты, составляющие силу русского, — простоты и упрямства; но здесь на каждом лице кажется вам, что опасность, злоба и страдания войны, кроме этих главных признаков, проложили еще следы сознания своего достоинства и высокой мысли и чувства» [Толстой 1978: т. 2, 106]. Вот пример крестьянского патриотизма — не называемого, патриотизма как части естества.

* * *

Патриотизм, как очевидно, бывает разных видов. Я уже сказал о патриотизме естественном, крестьянском. Но часто он бывает в то же время и патриотизмом неразвитым, «племенным». В этом случае индивид может совершать что угодно, лишь бы это не противоречило интересам его сообщества. Явление морали «для своих» и «для чужих» хорошо известно. Таких же может быть и патриотизм.

Племенной, народный патриотизм, общественность прекрасно исследуется, например, Н.С. Лесковым в рассказе «Отборное зерно». Лесковский сюжет — классический пример нашей отечественной «социбельности», если говорить словами одного из героев, смысл которой в том, что «вор у вора дубинку украл и какое от этого вышло для всех благополучие жизни» [Лесков 1958: т. 7, 282]. Коротко сюжет таков. На большой выставке демонстрируется снопом пшеницы с зернами небывалого размера и качества, выращенной якобы в одной из центральных губерний России. К хозяину снопу с предложением о покупке идут разные иностранцы, но он из чувства патриотизма принимает решение продать всю собранную в его имени пшеницу русскому купцу. За продавцом, к тому же, идет слава щедрого жертвователя «на славян», воевавших на Балканах против турок. То есть, он — патриот из патриотов. При покупке составляется подробнейший договор, из которого следует, что купцу назад дороги нет и он, рискуя потерять крупный задаток, обязуется купить все зерно.

Каково же его удивление, когда приехав на место, он выясняет, что купил зерно вполне посредственное (сор), а знаменитый сноп был составлен из отдельных специально подобранных по всему полю колосьев. Купец, однако, не теряется, а предлагает помещику купить даже больше и по более высокой цене, чем уже куплено, с тем, чтобы нагрузить баржу полностью (зерно предполагалось везти по реке) и чтобы на ней не было ничьего чужого зерна. Так и сделали.

Далее купец страхует баржу [Лесков 1958: т. 7, 298–299]¹ и отправляется к известному на реке лоцману, который проводит суда через Толмачевы пороги на Курином переходе и о котором говорится, что он «с вида сер, но ум у него не черт съел». Лоцман Иван Петров все понял, но отвечал так: «...У нас, на Куриной переправе, в прошлом году страховое судно затонуло и наши сельские на том разгрузе вволю и заработали, а если нынче опять у нас этому статья, то на Поросячьем броде люди осерчают и в донос пойдут. Там ноне пожар был, почитай все село сгорело, и им строиться надо и храм поправить. Нельзя все одним нашим предоставить благостыню, а надо и тем. А поезжай-ко ты нынче ночью туда, на Поросячий брод, да вызови из третьего двора в селе человека, Петра Иванова, — вот той раб тебе все яже ко спасению твоему учредит. Да денег не пожалей — им строиться нужно» [Лесков 1958: т. 7, 302].

Естественно, баржа с «отборным» зерном пошла ко дну. «Зато на берегу точно гулянье стало — погорелые слезы высохли, все поют песни да приплясывают, а на горе у наемных плотников весело топоры стучат и домики, как грибки, растут на погорелом месте. И так, сударь мой, все село отстроилось, и вся беднота и голытьба поприкрылась и понаелась, и божий храм поправили. Всем хорошо стало, и все зажили, хвалящее и благодарящее господа, и никто, ни один человек не остался в убытке — и никто не в огорчении. Никто не пострадал!» [Лесков 1958: т. 7, 303].

Но как же страховое общество, разве оно не заплатило? Конечно, заплатило! Так это, — возразили рассказчику, — разве «социабельность, а не гадость?» «Да разумеется же социабельность!», — отвечал рассказчик. «А страховое общество — не русская, а немецкая затея. А коли среди его акционеров есть и русские, то это такие, которые «которые с немцами знают да всему заграничному удивляются и Бисмарка хвалят». А Бисмарк до того дошел, что «уже стал проповедовать, что мы, русские, будто «через меру своею глупостью злоупотреблять начали», — так пусть его и знает, как мы глупы-то». И рассуждают так вовсе не «плуты и дураки», а «благополучные россияне» [Лесков 1958: т. 7, 304].

* * *

На содержание понятия патриотизм сегодня оказывает влияние и явление глобализации, в научной литературе активно исследуемое. Сущностной особенностью глобализации в современном мире может быть признан тот факт, что в соответствии с логикой развития этого явления все большее число наций находится между собой не в пассивном контакте, а вовлекается в два активных взаимодействующих процесса. Это, во-первых, процесс все более усиливающегося сотрудничества и, во-вторых, процесс ужесточающейся конкуренции. Для наций, целенаправленно рефлектирующих по этому поводу (как это наблюдается, например, в Китае), при сознательном выборе в процессе глобализации субъектов гуманитарного сотрудничества значение придается историческим, экономическим, политическим, религиозным составляющим развития взаимодействующих стран, равно как и подобию (похожести) их общественного и государственного устройства. Сотрудничество с избранными субъектами взаимодействия (если имеет место сознательный выбор, а не изучение самопроизвольно сложившегося порядка вещей) в этих сферах может идти довольно далеко, в том числе — вплоть до создания нового глобального социального организма, свидетелями начального этапа становления которого в лице новой Европы — Европейского союза — мы, к примеру, являемся. Что же до усиления процессов конкуренции, то они продолжают и в рамках новых образова-

¹ О страховых компаниях говорится: «Заводили у нас страховые компании господа иностранцы и думали, что их Рейн или Дунай — это все равно, что наши Свирь или Волга, и что их лоцман и наш — это опять одно и то же. Ну нет, брат, — извини!».

ний, которые под влиянием глобализации в форме нового сотрудничества создаются. (К примеру, конкурентные экономические отношения не отменены в рамках ЕС). Таким образом, если сотрудничество в условиях глобализации эволюционирует в сторону целенаправленных и избирательных контактов, то конкурентные отношения все более приобретают характер абсолютный.

Глобализацию нельзя считать исключительно новым феноменом, возникшим на рубеже XX — XXI столетий. Явления глобализации в истории бывали и раньше. Их порождало создание новых технических средств, посредством которых связи между обществами становились более тесными и интенсивными. Так, например, изобретение парового двигателя, активизировавшего, в частности, морские коммуникации, равно как радио и телеграфа, также были явлениями глобализации. Вместе с тем, современная глобализация отлична от тех ее проявлений, которые имели место в прошлом. Она возникла благодаря двум новым изобретениям — телевидению и Интернету. При этом, новой глобализации в том виде, как она проявляется в сфере культуры, присущи два качества, которых не было ранее: это возможность наблюдать происходящее в режиме реального времени («on line») и возможность непосредственного взаимодействия, то есть возможность для участвующих в ней субъектов в информационном отношении становиться непосредственными участниками события.

Говоря о глобализации, которую мы наблюдаем сегодня, нужно отметить, что для взаимодействующих обществ она создает такие последствия, которых не было прежде. Для каждого из участников этого процесса возрастает потребность и значимость адекватного понимания происходящего, то есть требуется аутентичное восприятие тех ценностей и смыслов, которые стоят за происходящим и которые транслируются в процессе взаимодействия. Так, если, в «обществе-реципиенте» в реальности не происходят демонстрации за права сексуальных меньшинств, то после знакомства с подобными рода явлениями в «обществе-доноре», например, посредством телевидения, в «обществе-реципиенте» может не только обостриться интерес к этому явлению, но также может произойти реальный сдвиг в направлении конкретных форм его публичности. Интерес переходит в вопросы: о причинах этого явления; о формах, в которых оно имеет или должно иметь место; о том, каковы стоящие за этим явлением смыслы и ценности; о том, как эти новые смыслы и ценности соотносятся со смыслами и ценностями, которыми «общество-реципиент» живет традиционно.

Задумываясь и анализируя эту проблему, «общество — реципиент» обращается к углубленному осмыслению, новой оценке и, что не исключено, к необходимости инвентаризации и пересмотру своих собственных смыслов и ценностей, которые активизируются в связи с наблюдаемым новым явлением. То есть, «общество — реципиент» приходит к осознанию того, что для лучшего понимания и адекватной оценки чужой культуры в принципе, необходимо углубленное познание и, если требуется, то и переосмысление отдельных элементов культуры собственной. И если это явление переложить на терминологию «глобалистики», то оказывается, что при глобализации возникает не только опасность подавления чужой культуры, но и возможность ее стимуляции и актуализации, что мы иногда смешиваем с регионализацией.

Взаимное развитие культур в процессе глобализации происходит не всегда и, тем более, редко случается автоматически. Свойство взаимного развития культур не имманентно глобализации как таковой. Напротив, иногда мы являемся свидетелями явлений, когда культура «общества-реципиента» при встрече с культурой «общества-донора» приходит в упадок, разрушается. Разрушение это, как правило, происходит в три этапа. На первом искажаются артефакты культуры «общества-реципиента»: в изначально присущие им смыслы и ценности привносится иное содержание или в имеющемся содержании смещаются акценты. На втором этапе востребованность обществом собственных смыслов и ценностей сокращается, они вытесняются на обочину информационного культурного пространства. И, наконец, на третьем,

наступает их полное забвение. Параллельно происходит заполнение информационной сферы артефактами культуры «общества-донора» и возникает реальная угроза переформатирования национального самосознания «общества-реципиента», в перспективе — утрата самоидентификации его членами.

Вместе с тем возможна и обратная ситуация, при которой культура «общества-донора» при взаимодействии с культурой «общества-реципиента» в отдельных аспектах начнет воспринимать в себя элементы чужой культуры как свое органическое дополнение и сама начнет изменяться. Также органически культура «общества-реципиента» может «дополняться» культурой «общества-донора». Глобализация, таким образом, при определенных условиях может сделаться возможностью для уничтожения одной культурой другой, для переформатирования сознания больших групп людей. Но она же может оказаться и стимулом для развития каждой из культур или даже их обеих. Излишне доказывать, что сказанное в полной мере относится и к понятию патриотизма. Впрочем, вернусь к его анализу на примерах из отечественного бытия.

* * *

Говоря о патриотизме наряду с уже сказанным, думаю, также можно выделить патриотизм «бессознательный», не основанный на знании и собственном ответственном решении человека. Патриотизм может иметь и «географическое» измерение. Известно, что в период гражданской войны в России в начале XX века крестьяне активно боролись против вторжений иностранных интервентов, но до тех пор, пока захватчики находились на близком расстоянии от их деревень. Они защищали свои дома и не желали идти дальше. Поступали ли они патриотично? Несомненно. Но также справедливо и то, что их патриотизм имел «местный», локальный характер. Впрочем, не стоит думать, что локальный патриотизм это нечто второсортное. В человеческой душе у него есть своя ниша и в отличие от патриотизма других видов он самый массовидный. Лев Толстой, например, так писал о своем родовом гнезде накануне своего ночного ухода 28 октября 1910 года: «Без своей Ясной Поляны я трудно могу представить Россию и мое отношение к ней. Без Ясной Поляны я, может быть, яснее увижу общие законы, необходимые для моего отечества, но я не буду до пристрастия любить его» [Басинский 2011: 53].

Есть, наконец, патриотизм, нацеленный на лучшее желаемое будущее, патриотизм «жертвенный». Он был явлен «декабристами» — офицерами-организаторами восстания 14 декабря 1825 года. Известна оценка А.И. Герцена, данная им, вышедшим «...сознательно на явную гибель, чтобы разбудить к новой жизни молодое поколение и очистить детей, рожденных в среде палачества и раболепия». Несомненно, что все офицеры-декабристы имели лучшее по тем временам образование — как домашнее, так и полученное в специальных заведениях. Они были знакомы с европейским строем жизни и европейской культурой, хорошо знали культуру отечественную. Собственно, именно в этом контексте они и породили в своей интеллектуальной среде идеи ограничения самодержавия, выработки Конституции, отмены крепостного права, народного просвещения и пр. Их интеллектуальный и нравственный импульс, равно как и поступок, можно считать ярким образцом высшего вида патриотизма — патриотизма просвещенного, гражданского.

Не менее ярким примером проявления жертвенного патриотизма, рожденного из просвещения и гражданственности, был так же поступок семи наших соотечественников, «демонстрация семерых». Она была проведена 25 августа 1968 года на Красной площади и выражала протест против введения в Чехословакию войск СССР и других стран Варшавского

договора для пресечения «Пражской весны» — общественно-политических реформ в Чехословакии.

Говоря о патриотизме как состоявшемся историческом событии, но нацеленном в будущее, нельзя не упомянуть имени Петра Яковлевича Чаадаева. Именно с него в русской философии начинается отсчет систематической разработки темы патриотизма в русском мировоззрении с особым вниманием к вопросу о месте и роли России в мировой истории и соотношения путей развития России и Запада.

Публикация в 1836 году первого «Философического письма», которое, по словам А.И. Герцена, «потрясло всю мыслящую Россию», вызвало и высочайшую реакцию — царь объявил Чаадаева умалишенным. Что же в интересующем нас ключе содержало в себе это философское произведение, значимость которого не утрачена и донныне?

Центральное, на мой взгляд, место первого письма — беспрецедентный по точности и смелости обличительный и, одновременно, патриотический по сути тезис о «внеисторическом» положении русских, что предопределяет, в частности, их неспособность, как выражается Чаадаев, «благоразумно устраиваться» в действительности. По его мнению, «одна из самых печальных особенностей нашей своеобразной цивилизации состоит в том, что мы все еще открываем истины, ставшие избитыми в других странах и даже у народов, в некоторых отношениях более нас отсталых. ...Мы стоим как бы вне времени, всемирное воспитание человеческого рода на нас не распространилось. Дивная связь человеческих идей в преемстве поколений и история человеческого духа, приведшие его во всем остальном мире к его теперешнему состоянию, на нас не оказали никакого действия. То, что у других составляет издавна самую суть общества и жизни, для нас еще только теория и умозрение» [Чаадаев 1989: 18]. «Оглянемся кругом себя, — продолжает философ. — Разве что-нибудь стоит прочно на месте? Все — словно на перепутьи. Ни у кого нет определенного круга действия, *нет ни на что добрых навыков, ни для чего нет твердых правил, нет даже и домашнего очага, ничего такого, что бы привязывало, что пробуждало бы ваши симпатии, вашу любовь, ничего устойчивого, ничего постоянного*; все исчезает, все течет, не оставляя следов ни вовне, ни в вас. В домах наших мы как будто в лагере; в семьях мы имеем вид пришельцев; в городах мы похожи на кочевников, хуже кочевников, пасущих стада в наших степях, ибо те более привязаны к своим пустыням, нежели мы — к своим городам. И никак не думайте, что это не имеющий значения пустяк. Несчастные, не будем прибавлять к остальным нашим бедам еще одной лишней — созданием ложного представления о себе самих, *не будем воображать себя живущими жизнью чисто духовных существ, научимся благоразумно устраиваться в нашей действительности...*» [Чаадаев 1989: 19].

Пафос патриотической критики Чаадаева направлен прежде всего против рабства. Действительно, в то время как в европейских странах (а именно с Европой Чаадаев сравнивает Россию) институт рабства изжил себя и остался в далекой истории, в России, спустя семьсот лет после принятия христианства, в XVII веке он вошел в силу в форме прикрепления крестьян к земле, а вместе с землей — к господам, слугам царя. При этом, в отличие от европейского рабства, распространявшегося в основном на пленных, то есть иноплеменников, в России невольником был свой же народ. Кроме того, господа, становясь в положение угнетателей собственного народа, что, согласимся, было сильнейшей язвой нравственного характера (о чем, в частности, свидетельствуют личные переживания и судьба Л.Н. Толстого), сами были не свободны — и как угнетатели, и как подданные более высокого господина.

Именно это состояние тотальной зависимости, предполагающей либо подчинение, либо угнетение, и было главным препятствием для появления в обществе свободного человека-патриота, для активного развития его творческой самодеятельности. Положение зависимости, невозможности принимать самостоятельные решения в значительной мере и определяло

«внеисторичность» и практическую невозможность сознательного патриотизма для всего народа, так как реальная конструктивная история может быть результатом только самодеятельности личностей, их согласованного между собой исторического творчества.

Надо отметить, что форма патриотизма как философской критики России и русских была одной из постоянных тем нашей гуманитарной мысли. Так, вопросом о патриотизме через пятьдесят лет после Чаадаева задается К.Д. Кавелин, отвечая на него в том же, что и Чаадаев, ключе. Также как и автор «Философических писем», причиной неподвижности общества Кавелин видит «нашу нравственную личную несостоятельность и негодность», «личное нравственное ничтожество». Способная к сколько-нибудь активным действиям часть российского общества ничтожно мала. И перемены происходят по следующей схеме: «Когда по ходу вещей наступала пора сменить обветшалые формы, замечалось, что сложившиеся долгим временем привычки ослабевали и расшатывались; но из-под них не прорывались ни бешеные страсти, ни непомерные притязания гордой мысли; вместо того, сквозь трещины оседающего здания проступали плесень и гнилость и их усиление служило предвестием, что будет перемена, что она близится. Наконец, она действительно наступала: государство призывало микроскопическое меньшинство к преобразованию и при его сочувствии и деятельном участии проводило реформу, которая совершалась обыкновенно молча. После того, гнилость и плесень на время еще продолжались и даже как будто усиливались, а затем понемногу исчезали, впредь до приближения нового перелома в государственной жизни» [Чаадаев 1989: 19].

Таким образом, в отличие от Европы, равно как и от представлений об общественном развитии, которые предлагали славянофилы, либеральный историк Кавелин задачу изменения субъекта исторического процесса видит в том, чтобы с помощью государства вызвать к жизни и деятельности отдельного человека, личность, в лучшем случае «микроскопическое меньшинство». Сделать это, однако, трудно. До сих пор «нас нельзя назвать ни хорошими, ни дурными людьми: мы не подлежим нравственному измерению». Мы ненадежные люди «по легкомыслию и ветрености», по «умственной и нравственной нищете». Любопытно, что прошло почти полвека, а Кавелин формулирует о России и русских тот же тезис, который в свое время формулировал П.Я. Чаадаев.

Конечно, в названных случаях патриотические поступки были направлены против существующей системы государственности, знаменовали необходимость ее коренного совершенствования или смены. Объективно они были направлены на ослабление существующей в стране государственной власти, не поддерживались и даже осуждались большинством населения, снижали авторитет власти в глазах мирового сообщества. Однако вряд ли кто-либо возьмется оспаривать, что они были патриотичными именно в силу критики современного им государства.

Вместе с тем, очевидно, что наше признание декабризма и «демонстрации семерых» патриотичными обуславливается исключительно тем, что оба явления далеко отстоят от нас в истории. И если, к примеру, протест в форме «демонстрации семерых» по какому-либо поводу повторится сегодня, то он точно так же будет государством подавлен и общественным мнением большинства осужден именно в силу их (государства и общественного мнения) понимания патриотизма. Об этом — вреде патриотизма, который «возводит в добродетель... всякое присвоение чужого для увеличения могущества своего отечества», о его языческой сущности, противной христианству писал и Лев Толстой, так до сих пор нами и не услышанный [Толстой 1978].

Тема патриотизма обширна. Поэтому сосредоточить свое внимание далее я хотел бы на том, что считаю в ней главным — на патриотизме просвещенном, гражданственном.

* * *

Под термином «просвещение» понимаются два явления. Идейное течение, особый тип мировоззрения в Европе и Америке XVIII века, основанный на убеждении в решающей роли разума и науки в познании «естественного порядка», который соответствует «подлинной» природе человека и общества. Очевидно, что это определение нельзя признать рабочим в связи с темой патриотизма. В рассматриваемом контексте уместно второе толкование, предложенное И. Кантом: «*Просвещение — это выход человека из состояния своего несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине. Несовершеннолетие* есть неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого. Несовершеннолетие по собственной вине — это такое, причина которого заключается не в недостатке рассудка, а в недостатке решимости и мужества пользоваться им без руководства со стороны кого-то другого. *Sapere aude!* — имей мужество пользоваться *собственным* умом! — таков, следовательно, девиз Просвещения» [Кант 1966: т. 6, с. 25].

Кантовское определение характеризуется рядом принципиально важных особенностей, которые должны быть отмечены. Во-первых, просвещение по Канту невозможно без такого качества личности, без такой ее решимости, при котором она отказывается от какого-либо внешнего патронажа или патернализма — «руководства со стороны кого-то другого». Просвещенность, во-вторых, есть решимость личности не просто признать возможность быть самостоятельной, но и реально «пользоваться своим рассудком» на свой страх и риск, то есть осуществлять это практически.

Очевидно, что эти качества просвещенной личности напрямую никак не детерминированы определенным уровнем социально-экономического или политического развития общества, состоянием государства, наличием или отсутствием гражданского общества и его институтов. То есть, просвещение не возникает автоматически на каком-то уровне общественного развития. И, с другой стороны, высокий уровень общественного развития не гарантирует просвещенности. Просвещение индивида может иметь место на довольно низкой стадии общественного развития и отсутствовать на высокой. Просвещенные люди появляются вне этих социальных детерминант, просвещение возникает как бы само по себе. Но так ли просвещение спонтанно или на чем-то все же основывается?

Уже в самом кантовском определении содержится указание на такую основу. Основа мужества — знание. Без знания нет ума, которым человек может воспользоваться. Речь, однако, не идет о какой-либо обширной образованности. Для решимости пользоваться своим умом человеку достаточно обладать знанием в какой-либо одной сфере. И именно в этой сфере от него естественно ожидать мужественного использования своего ума. Чтобы иметь возможность пояснить сказанное и полнее раскрыть тему патриотизма, я обращусь к одному из наиболее ярких и глубоких литературных произведений на тему патриотизма — философскому сказу Н.С. Лескова «Левша». Как точно подметил Л.А. Аннинский, «баснословие» Лескова звучало «вызовом тому истовому, страшно серьезному, почти молитвенному народолюбию, которым было тогда охвачено общество» [Аннинский 1993: т. 5]. Народолюбие же, как известно, было одним из синонимов русского патриотизма.

* * *

Завязка сказа в том, что во время посещения Англии император Александр Павлович составил себе мнение, будто тамошняя оружейная кунсткамера содержит такие совершенства, «что как посмотришь, то уже больше не будешь спорить, что мы, русские, со своим значением никуда не годимся» [Лесков 1958: т. 5, 475]. Ему оппонирует сопровождающий ата-

ман Платов. Однако его возражение — «мои донцы-молодцы без всего этого воевали и дванадцать язык прогнали» нельзя признать превосходящим замечание Александра I.

Впрочем, в одном месте повести, рисуя образ Платова, Лесков выбивается из вроде бы определенной ему роли — олицетворения грубой силы, слепо любящей Родину. «Мысль Платова» была: «что и наши — на что взглянут, все могут сделать, но только им *полезного ученья нет*». (Здесь и далее выделено мной. — С.Н.). И совсем неожиданное, имеющее отношение к загадочному тезису о «полезном учении»: Платов мысленно «представлял государю, что у аглицких мастеров совсем на все другие правила жизни, науки и продовольствия, и *каждый человек у них себе все абсолютные обстоятельства перед собою имеет, и через то в нем совсем другой смысл*» [Лесков 1958: т. 5, 480].

Что значит зашифрованный автором тезис «абсолютные обстоятельства» перед каждым человеком? Думаю, одна из разгадок — указание на такое устройство общества, при котором, во-первых, между человеком и неким Абсолютом нет промежуточного звена-посредника, как, например, в России самодержавного монарха. И, во-вторых, что каждый член общества равен всем остальным как в общественном сознании, так и в реальности, перед лицом закона.

Концентрированный тезис об «абсолютных обстоятельствах» будет далее раскрыт на примере увиденного левшой² английского общества, жизни, личности и производственной деятельности работников, упоминаний о человеческих правах и «человечкиной душе». Именно на этой содержательной основе читатель составит себе представление об английском патриотизме и ему четче будет видна та малая жизненная почва, на которой произрастает патриотизм российский, чья малая искра мелькнула в левше. Итак, напоследок англичане дарят императору стальную блоху, умеющую танцевать, а император дает задание Платову изыскать способ, «чтобы англичане над русскими не предвзошались». Получив от атамана наказ, тульские мастера не просто оказались вынуждены посредством своих знаний «жить своим умом», но были к этому обязаны. Они начинают действовать. Определив, что соперничество с англичанами вероятнее всего возможно в военной сфере, они выбирают именно того святого, который олицетворяет собой «военное одоление» и отправляются не в Москву или в Киев, а к избранному ими «профильному» святому — «мценскому Николе». После возвращения и приняв решение как именно следует действовать, они изменяют весь порядок своей жизни — отделяются от мира и своего сообщества, наглухо закрывшись в отдаленной избе. Решение о том, как ответить англичанам они оставляют исключительно за собой, не посвящая в это даже Платова. Думаю, что образом мастеров Лесков как бы иллюстрирует кантовский тезис о просвещении, добавляя к идее философа о мужественной решимости жить своим умом необходимую для этого основу: такая решимость возможна только у человека, обладающего знаниями. Соревнование русских мастеров с англичанами, как известно, завершилось вничью. С одной стороны, туляки превзошли англичан своим природным мастерством, в том числе и тем, что обходились без «мелкоскопа» («а у нас так глаз пристрелявши», — поясняет левша), но, с другой, «нимфозория» перестала делать тансы. Разбирая эту ситуацию после пояснений левши об образованности русских исключительно церковными книгами, англичане делают крамольное для нас заявление: «...Лучше бы, если бы вы из арифметики по крайности хоть четыре правила сложения знали, то бы вам было гораздо полезнее, чем весь Полусонник. Тогда бы вы могли сообразить, что в каждой машине расчет силы есть, а то вот хоша вы очень в руках искусны, а не сообразили, что такая малая машинка, как в нимфозории, на самую аккуратную точность рассчитана и ее подковок несть не может» [Лесков 1958: т. 5, 496].

² Наименование тульского мастерского иногда употребляют как его собственное имя. Я же сохраняю авторское написание.

Далее в лесковской повести обнаруживается еще одна важная составляющая патриотизма — гражданственность. Как военный оружейник, обладающий недюжинными знаниями в своей области, левша обнаруживает, что посещавшие до него английский завод русские генералы знакомились с изготавливаемыми там ружьями в прямом смысле слова, не снимая перчаток. Левша же, когда засунул палец в ствол, обнаружил гладкую поверхность, что дало ему возможность заключить: англичане ружья, как мы, кирпичом не чистят и потому у них пули в стволах «не болтаются». Его последние слова перед смертью: «Скажите государю, ... чтобы и у нас не чистили, а то, храни Бог войны, они стрелять не годятся» [Лесков 1958: т. 5, 503]. Ощущая себя причастным к общему делу защиты Отечества и имеющий мужество на основе знаний пользоваться своим умом, гражданин левша заслуживает имени патриота.

То, что происходит с левшой, как только он сходит с трапа английского корабля на русскую землю, горько, но не удивительно и даже обыденно, как мы понимаем, не только для начала XIX столетия. Его сваливает на пол, обкрадывает и морозит в возках полиция, его не принимают в больницы как не имеющего «тугамента», ему, наконец, раскалывают затылок, когда волокут по ступенькам. От этого левша и умирает, открывая перед смертью выведенную у англичан «тайну».

Левша проявил себя патриотом. Но укрепляет ли его в патриотизме все, что произошло с ним на родине? А если да, то многие ли способны на столь самоотверженную и далекую от взаимности жертвенность? Аргументы левши, почему он не хочет остаться в Англии и сделаться превосходнейшим мастером, если и имели смысл при знаменитом тульском мастеровом, похоже, существенно изменили его в наше время. Очевидно, содержание понятия патриотизм со временем меняется. Сегодня оно все более сливается с понятием гражданственности, невозможной без просвещения как свободной решимости пользоваться имеющимися знаниями и собственным умом. А всегда ли есть ли возможность проявлять гражданственность — вопрос не простой.

Аннинский Л.А. 1993 *Сотворение легенды // Лесков Н.С. Собрание сочинений в шести томах. М.: Правда.*

Басинский П.В. 2011. *Лев Толстой: Бегство из рая. М.: АСТ, Астрель.*

Искандер 1862. *Великому кн. Константину Николаевичу // Колокол. 1862. 22 ноября.*

Кавелин К.Д. 1989. *Наши умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М., С. 168.*

Кант И. 1966 *Собрание сочинений в шести томах. Т.6. М.: Наука.*

Лесков Н.С. 1958. *Собрание сочинений в одиннадцати томах. М.: Художественная литература.*

Толстой Л. Н. 1978. *Собрание сочинений в двадцати двух томах, т. 2. — М.: ГИХЛ.*

Толстой Л.Н. 1993. *Патриотизм или мир? // Журнал «Толстовский Листок / Запрещенный Толстой», выпуск третий, издательство «АВИКО ПРЕСС», Москва.*

Чаадаев П.Я. 1989. *Сочинения. М., «Правда».*